

Чан Сяоцю было лет пятнадцать-шестнадцать. Выросший в обеспеченной семье, привыкший к лести и угодливости слуг, он находился в том возрасте, когда считаешь себя исключительной личностью. И вот Лю Сяньань вдруг заявляет, что жить хорошо, но и умереть — тоже неплохо. Естественно, такое пренебрежение юноша стерпеть не мог.

— Не пытайтесь меня спровоцировать! — упрямо заявил он.

— Я не провоцирую, — терпеливо объяснил Лю Сяньань. — Как говорится, жизнь и смерть — как день и ночь, несчастье и удача, счастье и беда — всё едино. Постигнув это, вы поймёте мои слова.

Чан Сяоцю ничего постигать не хотел. В вопросе «нежелания слушать тех, кто не может говорить по-человечески» он и Лян Шу оказались бы в одном лагере. Мудрецы утверждали, что к грому и молнии следует относиться спокойно, но Чан Сяоцю сам хотел быть той самой молнией, которая заставит мудрецов заткнуться и прекратить свои заумные речи.

Чан Сяохань пояснил:— Доктор Чжан сказал, что на лечение ноги молодого господина потребуется минимум три месяца.

— Медицинский центр Кантай лучше всего справляется с травмами костей, их диагноз точен, — согласился Лю Сяньань. — Однако на позднем этапе можно вернуться домой. Необязательно оставаться здесь всё время.

Когда Чан Сяоцю получил тяжёлые ранения, Чан Сяохань спешил найти врача и не успел допросить охранников, поэтому закулисные махинации оставались неизвестными. Сразу по прибытии в больницу он написал Чан Ваньли, объяснив произошедшее в пути. Но Лю Сяньань предположил, что письмо из Байхэ в Бюро эскорта Ваньли должно проходить через Чися, а там в то время царил хаос, и почтовая станция была закрыта Ду Цзином:

— Лучше напишите новое. Десять шансов из десяти, что первое письмо потерялось из-за проблем на станции.

— Хорошо, напишу позже, — кивнул Чан Сяохань, затем осторожно спросил: — Молодой господин вернулся в Байхэ один? Где остальные благородные мужи?

Лю Сяньань уловил его беспокойство и, поскольку дел у него не было, заказал чай и вкратце рассказал, что произошло с Бюро эскорта Ваньли после той ночи. Чан Сяохань был шокирован, а Чан Сяоцю пришёл в ярость:

— Я знал, что эта ядовитая тварь никуда не годится! — выругался он, затем обеспокоился. — Если она заплатила за моё убийство, то и отца может убрать! Дядя Чан, срочно отправь письмо домой, затем собери вещи. Сегодня же выезжаем в Бюро!

Чан Сяохань заколебался:— Но нога молодого господина...

— Какая теперь разница! — Чан Сяоцю попытался заковылять в комнату на костылях, но оступился и вскрикнул: — Ай!

Несмотря на привычную медлительность, Лю Сяньань на сей раз проявил проворство — ловко отпрыгнул в сторону, и Чан Сяоцю с глухим стуком шлёпнулся в кучу сена.

— Кх-кх...

Чан Сяохань поспешил помочь ему подняться.

Чан Сяоцю в жизни не встречал такого мерзавца. Кашляя, он тыкал пальцем в обидчика:— Почему ты увернулся?!

— Если бы не увернулся, ты бы меня ударил, — логично ответил Лю Сяньань.

Чан Сяоцю чуть не харкнул кровью:— Вы, врачи деревни Байхэшань... нет, все врачи Поднебесной, разве не должны спасать жизни и помогать раненым? Какой доктор убегает, когда пациент падает?!

— Если будешь так двигаться, стальные пластины на ноге придётся переделывать, а кости сростутся криво, — предупредил Лю Сяньань.

Чан Сяоцю проигнорировал его слова и поднял ногу:— Тогда мне тем более нужно скорее спасти отца!

— Господину Чану не требуется ваше спасение, — сказал Лю Сяньань. — Его Высочество Сяо-ван, должно быть, уже прибыл в Бюро Ваньли.

— Кто?! — в один голос воскликнули Чан Сяохань и Чан Сяоцю.

Громкость была такой, что у Лю Сяньаня зазвенело в ушах. Так он открыл для себя ещё одну вещь: большинство людей, особенно молодые и среднего возраста мужчины, услышав «Его Высочество Сяо-ван», почему-то повышали голос от изумления и восторга одновременно. Как Цю Дасин из Чися или эти двое перед ним.

Чан Сяохань пока сдерживался, но для Чан Сяоцю Лян Шу был на вершине списка «Героев, достойных восхищения в этой жизни», даже выше собственного отца. В Бюро он частенько пробирался в чайные, чтобы послушать легенды о подвигах на поле боя, и в мечтах жаждал увидеть Его Высочество собственными глазами. Но судьба играет людьми — увидеть-то он увидел, да в полумёртвом состоянии... лучше бы не видел вовсе.

Чан Сяоцю испытывал жгучий стыд. Теперь ему было не до склок с Лю Сяньанем, и он нетерпеливо спросил:

— Зачем Его Высочеству Сяо-вану ехать в мой дом?

— Хэ Жао не только хотела вас убить, но и замешана в старом преступлении. Его Высочество расследует это дело, — объяснил Лю Сяньань. — Поэтому, если только вы не хотите навсегда остаться калекой, вам лучше провести здесь лишний месяц.

— Верно, молодой господин, — поддержал Чан Сяохань. — Раз уж Его Высочество прибыл в Бюро, он наверняка раскроет отцу истинное лицо Хэ Жао. Нам не обязательно делать это лично. Сейчас важнее вылечить вашу ногу.

Чан Сяоцю всё ещё утопал в сожалениях. Будь его воля, он бы ни за что не отправился в тот злополучный поход. Теперь же он не только не мог быть рядом с отцом, но и упустил шанс по настоящему увидеть Его Высочество Сяо-вана.

Увы.

Чан Сяохань хорошо знал своего молодого господина. Видя его подавленность, он осторожно спросил:

— Доктор Лю, похоже, в хороших отношениях с Его Высочеством Сяо-ваном?

— Довольно хороших, — подтвердил Лю Сяньань.

— После решения того старого дела Его Высочество посетит деревню Байхэшаньцунь?

Лю Сяньань вспомнил о двух кувшинах хорошего вина и оживился:

— Посетит.

— Мой молодой господин всегда восхищался Его Высочеством. Может, доктор Лю устроит так, чтобы мы смогли хотя бы издали увидеть его, когда он будет в гостях?

Лю Сяньань поделился планами:

— Его Высочество приедет в Байхэ выпить со мной вина и погулять по городу. Специальных приготовлений не нужно — стоит вам выйти на улицу, и вы его увидите.

— Это прекрасно! - обрадовался Чан Сяохань.

Чан Сяоцю тоже вспыхнул от возбуждения и даже стал смотреть на Лю Сяньаня благосклоннее. После его ухода Чан Сяохань вывез молодого господина в коляске прогуляться по улицам, где они разговорились с местными жителями. Так они узнали много «добрых дел» Второго молодого господина Лю: слишком ленив, чтобы переписывать книги, слишком ленив, чтобы жениться на принцессе, слишком ленив, чтобы разговаривать или даже ходить. Он даже есть ленился, целыми днями валяясь в постели и питаясь северо-западным ветром и росой.

Чан Сяохань остолбенел от услышанного.

Однако Чан Сяоцю был уверен, что Лю Сяньань — непревзойдённый мастер, живущий в уединении. А как иначе объяснить, что сам Его Высочество Сяо-ван удостоил его особым визитом, да ещё и согласился пить с ним вино и гулять по городу?

Таким образом, благодаря слепому обожанию Лян Шу, этот молодой господин из Бюро Ваньли стал вторым после А-Нина человеком в Байхэ, кто разглядел истинную суть Лю Сяньаня.

У парня определённо было будущее.

Отец же этого юноши считал, что его будущее — да и вся жизнь — выглядят весьма мрачно.

Жена, с которой он рассчитывал встретить старость, не только хотела убить его сына, но и сговорила с посторонними, чтобы украсть его имущество. Он действительно не мог вынести такого удара, но, по правде говоря, никто особо и не заботился о его чувствах.

Хэ Жао продолжала признаваться: когда Фэн Сяоцзинь проникал в форт, он случайно сорвался со скалы и повис на старом кривом дереве, но ей удалось его спасти.

— Это тот самый долг, который он имеет перед тобой? — спросила Чэн Суюэ.

— Да, — кивнула Хэ Жао. — Хотя он и немногословен, но держит слово. Даже уйдя тогда без прощания, он позже прислал мне особое письмо, сказав, что в любое время, когда я захочу воспользоваться этим долгом, могу найти его на нефритовом поле в Цуйли на юго-западе.

— Он всё ещё в Цуйли?

— Нет. Судя по его словам, он направляется в Байхэ.

— В Байхэ? — Чэн Суюэ нахмурилась. — Он болен?

— Должно быть, — неуверенно ответила Хэ Жао. — Я не знаю, какие именно запретные искусства он практикует, но его лицо осталось таким же, как в юности, и голос тоже, как у юноши. Но он боится света и всегда носит маску.

Гао Линь нашёл художника и попросил его нарисовать лицо Фэн Сяоцзиня со слов Хэ Жао.

— Его черты лица прекрасны. Глаза с раскосыми внешними уголками, как у лисы, и даже самая соблазнительная женщина не сравнится, — вспоминала Хэ Жао. — Но взгляд у него всегда был холодным.

Чэн Суюэ наблюдала, как художник тщательно вырисовывает контуры — от лисьих глаз до тонких алых губ. Он был стройным и предпочитал носить чёрные одежды.

Во время резни семьи Тань тринадцать лет назад Фэн Сяоцзиню было уже лет пятнадцать-шестнадцать. Сейчас ему почти тридцать, его мастерство сильно возросло, но лицо не изменилось. словно сама судьба поставила на нём клеймо «еретика».

— Ваше Высочество, каков наш дальнейший план?

— Едем в Байхэ.

В деревне Байхэшаньцунь города Байхэ Лю Сяньань, едва открыв глаза, увидел отца, стоящего у кровати. Поэтому он тут же снова их закрыл — не вижу, не слышу, в покое и пустоте.

Лю Фушу глубоко сожалел, что не взял с собой палку.

— Молодой господин, не спите, молодой господин! — А-Нин энергично тряс его. — Хозяин деревни ищет вас по важному делу!

Лю Сяньаня трясли почти до тошноты, так что ему пришлось сесть, закутавшись в одеяло. Он не встал с кровати, глаза его были мутными, и было ясно, что в любой момент он готов продолжить спать.

Лю Фушу уже привык к его ленивому, полумёртвому виду и постарался как можно спокойнее проинструктировать:

— Завтра на рассвете отправляйся со своим вторым дядей по главной дороге раздавать отвар от теплового удара и против чумы.

Это была тяжёлая работа. Он действительно хотел, чтобы сын пострадал — не мог же тот целыми днями только есть и пить? Когда люди живут в этом мире, они должны заниматься хоть каким-то полезным делом, верно?

Но у Лю Сяньаня не было возражений. Хотя он и хотел бы обсудить с отцом, что в Байхэшаньцунь тысячи учеников и любой может раздавать лекарства — его личное присутствие не требуется. Но он был слишком сонным, чтобы даже шевелить ртом, поэтому

просто выбрал самое простое «угу» в качестве ответа и тут же рухнул обратно, продолжая спать.

Лю Фушу: Готов разорваться от злости.

На следующее утро он явился в павильон у воды с палкой и выгнал непочтительного сына.

Смешавшись с учениками своей семьи, Лю Сяньань нёс корзину за спиной и обильно потел под палящим солнцем. На голове у него была большая шляпа, чтобы скрыть лицо — а то все девушки в городе выбегут поглазеть и перекроют путь.

Раздача отвара от теплового удара была таким же благотворительным делом, как раздача каши. Ловкие ученицы Байхэшаньцунь также приготовили много освежающих конфет и мази от комаров — всё это раздавалось бесплатно.

Пробившись по дороге больше половины месяца, они наконец достигли перекрёстка, где сходились северный и южный пути, и разбили настил на плоской земле рядом.

Такое в Байхэшаньцунь часто делали летом, чтобы спастись от жары. Зимой же ставили печи и варили острый суп из баранины для удобства путников. Так что все были знакомы с процедурой — кроме Лю Сяньаня.

Его второй дядя, возглавлявший команду, увидев, что драгоценный племянник слишком долго возится с палаткой, отправил его помогать носить лекарства — чтобы тот позже случайно не напоролся на гвоздь.

Лю Сяньань согласился и бросил палатку. Оглянувшись, он увидел, что лекарства уже несут как минимум десять человек, и он совсем не нужен.

Поэтому он побрёл вокруг, нашёл прохладное, чистое и тихое местечко — и благополучно растянулся плашмя.

А-Нин: «Эх, так я и знал».

Лю Сяньань спал на редкость мирно и проснулся посвежевшим.

— Который час? - оглядевшись спросил он.

А-Нин ответил:— Шэнь-ши[1].

Лю Сяньань очень удивился. Прошёл всего лишь час? Тогда можно поспать ещё немного.

— Не надо! — в отчаянии дёрнул его А-Нин. Ты проспал не час, ты проспал день и ночь минус час.

За это время многие купцы, получив свои отвары, с любопытством спрашивали: кто это лежит в настиле сзади? Почему не двигается, он болен?

Ученики Байхэшаньцунь не могли просто сказать, что это их Второй молодой господин, который отлынивает от работы, поэтому приходилось отделиваться туманными намёками — не болен, просто устал и отдыхает.

— Как же он, бедняга, устал, — сочувствовали и восхищались люди и понижали голоса.

Затем подошла группа тётушек, несших гостинцы родственникам. Услышав это, они достали из сумок еду и настаивали, чтобы её передали тому молодому человеку, который устал так, что не может встать — пусть как следует подкрепится.

Ученики не могли отказать — поэтому с благодарностью принимали и складывали всё на маленький столик рядом со Вторым молодым господином: сладости, фрукты и несколько кувшинчиков вина — прямо как подношения в храме.

Лю Сяньань как раз в этот момент взял фрукт, чтобы перекусить. Он был довольно сладким, и, поев, он прогулялся вокруг. Отлично, люди приходят и уходят, всё упорядоченно, суэта, но без хаоса — я всё ещё не нужен.

Можно вернуться и прилечь.

[1] Шэнь-ши — период с 15:00 до 17:00.

п.п.

у меня ощущение, что я 2 работы про нарколепсию перевожу параллельно. Скоро начну путаться в этих мягких милашных булочках >_<

<http://bllate.org/book/14628/1297868>